

С точки зрения внешнеполитических процессов 2015 год оказался крайне насыщенным и важным по своим последствиям для развития мирового сообщества. Россия как значимый политический игрок на мировой арене часто оказывалась в центре глобальных политических событий. Главные из них требуют научного осмысления и анализа. Саммиты ШОС и БРИКС в Уфе, интеграция Таджикистана в ЕАЭС, ситуация в Сирии – этим и другим вопросам посвящено интервью с вице-президентом Российского совета по международным делам В.И. ТРУБНИКОВЫМ. Беседу вел К.Ю. Сафронов.

Восточный вектор внешней политики России на современном этапе

– В июле 2015 года в столице Башкирии – в Уфе состоялись саммиты Шанхайской организации сотрудничества и лидеров стран БРИКС. Насколько итоги саммитов повлияли на архитектуру современных международных отношений?

– Уфимские саммиты ШОС и БРИКС венчали целый год председательства в этих организациях России. Их можно считать в значительной мере благоприятными для нашей страны, так как они продемонстрировали всему миру, что разговоры об изоляции России в «посткрымский» период – не более чем идеология. Находящаяся под действием санкций и беспрецедентным давлением Россия сделала серьезную ставку на ШОС и БРИКС, можно даже сказать, что для Москвы в условиях текущей геополитической конъюнктуры была важна политическая поддержка стран – участниц ШОС и БРИКС. И Россия ее получила сполна.

Можно сказать, что уфимские саммиты ШОС и БРИКС прошли по российскому сценарию. Самым важным решением следует признать принятие Стратегии развития ШОС до 2025 года. Этот документ по своей философии имеет четкие ориентиры и предполагает решение вопросов коллективной безопасности и развитие Евразии без участия неевразийских стран (прежде всего, США).

Помимо этого, в Уфе приняты важнейшие политические решения о начале процедуры обретения полноправного членства в ШОС Индии и Пакистана, что очень важно для Москвы. Россия, таким образом, сможет учиты-

вать противоречащие подчас друг другу интересы Индии и Китая. Более того, после вхождения Индии и Пакистана в ШОС совокупное население стран – участниц этой организации составит примерно 3 млрд человек, то есть почти половину всего населения земного шара. Расширение ШОС, несомненно, изменит масштаб и стратегию действий организации. В этот же контекст органично вписываются статус партнера ШОС таких стран, как Азербайджан и Армения, Камбоджи и Непала, а также предоставление Беларуси статуса наблюдателя.

Кстати, в рамках ШОС России также удалось укрепить свой экономический базис. Москва смогла синхронизировать свои евразийские интеграционные инициативы с мегапроектом Пекина «Экономический пояс «Шелкового пути»», которые при правильной расстановке акцентов будут дополнять и обогащать друг друга. Очень важно, что уфимские саммиты ШОС и БРИКС продемонстрировали способность России и Китая договариваться.

В то же время не будем забывать и о решениях, принятых на саммите БРИКС в Уфе, в их числе – очень важное экономическое решение – учреждение банка БРИКС. Июльский саммит продемонстрировал готовность «пятерки» объединения с броским акронимом БРИКС участвовать в построении новой архитектуры международных финансовых институтов. Создание банка БРИКС – это, вне всякого сомнения, мощный ответ на явно запаздывающую реакцию западных стран по реформированию МВФ и Всемирного банка.

Трубников Вячеслав Иванович, вице-президент Российского совета по международным делам, член дирекции Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, генерал армии, Чрезвычайный и Полномочный посол России.

– К уфимскому саммиту ШОС Евразийским центром «Самрау» был издан аналитический доклад, в котором делается вывод о том, что деятельность ШОС и БРИКС только в краткосрочной перспективе выглядит как антизападная, в среднесрочной перспективе она может быть представлена уже как альтернативная западной, а в долгосрочной – направлена на формирование нового, гармоничного мироустройства. Что, на Ваш взгляд, могут сделать ШОС и БРИКС для стабилизации системы международных отношений?

– Я ознакомился с этим докладом и хочу сказать, что его стилистика выбрана, на мой взгляд, верно. Именно древнекитайская философия, многочисленные ссылки на которую содержатся в докладе, и выражает собой суть стратегии ШОС и БРИКС. Эти организации ведут кропотливую и неторопливую работу по балансировке мирового порядка, пытаются сделать его более гармоничным. Современный мир в эпоху глобализации слишком сложный для того, чтобы подчиняться моноцентричным стандартам и культурным этосам. Это очевидно и на примере мирового хозяйства, когда самые быстрорастущие экономики мира, к сожалению, как я уже отмечал, не могут получить должную поддержку в мировых финансовых институтах. Следовательно, нужно реформировать эти институты. В этом поступательном движении России и ее партнеров по БРИКС и ШОС и содержатся контуры нового мирового порядка, который будет даже не полицентричным, и в нем не будет полюсов противостояния. И уж точно новый мировой порядок будет не антиамериканским, скорее он будет более справедливым. Возможно, это всего лишь некий идеал, но тенденция к постепенному уменьшению влияния западных стран на мировой арене в докладе зафиксирована правильно.

– В 2005 году Индия и Пакистан одновременно присоединились к ШОС в качестве наблюдателей. Именно с проведением саммитов в Уфе связан процесс обретения Индией и Пакистаном статуса полноправных членов организации. Не ослабит ли это позиции ШОС, так как некоторые эксперты предсказывают, что Индия и Пакистан будут блокировать инициативы и предложения друг друга?

– Понятно, что отношения Индии и Пакистана содержат в себе много противоречий,

однако руководство в Нью-Дели и в Исламабаде понимает, что нужно искать компромиссы, принимать более активное участие в укреплении коллективной безопасности Евразии. Формат ШОС, где, при всем уважении к независимым государствам Центральной Азии, верховодят Россия и Китай, становится такой площадкой. Следует обратить внимание на то, как возрастает внимание ШОС к проблемам Афганистана. Следует признать, что определенные риски в том, что Пакистан будет блокировать инициативы Индии и наоборот, в ШОС существуют, однако уверен, что в Москве и Пекине тщательно взвесили все «за» и «против».

При этом, конечно же, ни Нью-Дели, ни Исламабад не допустят ситуации, при которой одна из стран будет являться членом организации, а другая – нет. Поэтому синхронное обретение ими прав членства представляется единственным приемлемым для ШОС вариантом развития событий. Впрочем, Узбекистан, к которому переходит председательство в организации, отнюдь не в восторге от такого расширения. Ислам Каримов в разговоре с Владимиром Путиным недвусмысленно дал понять, что надо все взвесить и потом уже принимать какое-либо решение. Для Ташкента, таким образом, остается возможность маневра между Россией, Китаем и Западом. Поддержание такой конфигурации является фирменным стилем дипломатии Ислама Каримова. И, тем не менее, такой маневр – это всего лишь маленькая хитрость умудренного опытом «бессменного» руководителя Узбекистана. Вопрос о полноценном членстве Индии и Пакистана уже переходит в разряд технических, и вряд ли Ташкент, даже если захочет, сможет помешать его успешному решению. Меняется ситуация и для Запада, но она опять-таки оставляет США возможности для маневра.

– Почему Россия активно выступает за снятие санкций с Ирана, ведь Иран является одним из основных конкурентов России на рынке углеводородов?

– На мой взгляд, в последнее время мы слышим слишком много необоснованных упреков в недальновидности российской внешней политики. Действительно, может показаться, что в краткосрочной перспективе снятие санкций с Ирана помешает повышению мировых цен на энергоносители и затронет тем самым национальные интересы России. Однако

руководство страны мыслит не только в категориях среднесрочной выгоды. Речь идет о том, что Тегеран – важнейший геополитический союзник Москвы на долгосрочную перспективу. В свете сирийского вопроса это более чем очевидно. Помимо этого, Иран – важный экономический партнер России. Совсем не случаен интерес Ирана к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), который весьма благожелательно воспринимают в Москве. К тому же немаловажно, что после снятия санкций с Ирана российские компании примут самое активное участие в модернизации нефтедобывающей отрасли Ирана. И, наконец, не будем забывать о значительном интересе Тегерана к российской военной технике.

– Сейчас активно обсуждается вопрос вступления Таджикистана в ЕАЭС. Выиграют ли от этого Таджикистан и Евразийский экономический союз?

– Обратите внимание, Душанбе постоянно обращается с просьбами к Москве по поводу экономических преференций и улучшения положения мигрантов. Ремитационный характер экономики, главным драйвером которой остаются трудовые ресурсы, не оставляет Таджикистану иных альтернатив. При этом, конечно же, на политику Э. Рахмона значительное влияние оказывает Китай. Однако не думаю, что Таджикистан станет «камнем преткновения» между Москвой и Пекином. Скорее всего, Таджикистан, как и несколько лет назад Киргизия, займет выжидательную позицию и будет медленно, но верно «дрейфовать» в сторону ЕАЭС, не забывая вести торги. Участие Душанбе в проектах евразийской интеграции является жизненно важным для страны, так как позволит придать новые импульсы экономике, открыть для сельского хозяйства новые рынки сбыта.

– Недавно в Таджикистане произошло серьезное вооруженное столкновение. Боевики под предводительством экс-заместителя министра обороны Таджикистана Абухалима Назарзода атаковали силовиков города Вахдат. Абухалим Назарзод, как и другие нападавшие, принадлежал к партии ПИВТ. На Ваш взгляд, что ждет Таджикистан в ближайшем будущем? Могут ли повториться аналогичные события?

– К сожалению, Таджикистан пребывает в перманентном состоянии турбулентности. Не будем скрывать, от состояния «failed state» страну отделяет не так уж много. Э. Рахмон сделал

ставку на полную аннигиляцию оппозиции в правовом поле и приоритетное выдвижение представителей кулябского клана, тогда как все остальные остаются на периферии властно-управленческого ресурса. Такая конфигурация оставляет всем недовольным (а их в Таджикистане немало) единственную возможность – применение силы. Насилие, как известно, – самый последний инструмент в политике. Его применяют тогда, когда все остальные инструменты уже не действуют. Полагаю, что ситуация в Таджикистане именно такая: недовольные своим положением элиты и другие силы не получают властно-управленческого ресурса и демонстрируют готовность бороться за него с оружием в руках.

– Существует множество мифов о бомбардировках российскими вооруженными силами позиции запрещенной в нашей стране экстремистской группировки «Исламское государство». Как Вы оцениваете текущую ситуацию и каковы позиции российских военных в Сирии на данный момент?

– Для ответа на этот вопрос нужно несколько слов сказать о существующей мир-системе. Она более не может существовать в монополярном формате, хотя США настаивают на этом. Именно упорное, я бы даже сказал упрямое, нежелание реконфигурации со стороны Вашингтона определяют те турбулентности, которые происходят в современном мире. В этой ситуации Россия не может больше ждать, не может более следовать инерционному сценарию, когда Вашингтон и Брюссель доведут ее положение до региональной державы, не способной самостоятельно обеспечить свою национальную безопасность. Сирийская инициатива Москвы – это непростое, но очень важное и крайне необходимое решение руководства страны. Только такими затратными акциями Россия сможет поменять баланс сил в современном мире, деконструировать дискриминационную мир-систему, явный акцент в которой делается на западные институты и, что более важно, интересы стран золотого миллиарда.

Москва несколько лет назад четко дала понять всему миру, что не готова больше мириться с политикой «двойных стандартов» США в Евразии. В этом контексте решение Москвы о проведении военной операции в Сирии смотрится не только логичным и ответственным шагом, но и единственно возможным.

Политические факторы протестной активности в период электорального цикла 2011–2012 гг. в России

Ю. ДОРОЖКИН, М. САБИТОВ

На современном этапе в различных регионах мира наблюдается рост массовой протестной активности, принимающей самые разнообразные формы: от конвенциональных мирных выступлений граждан до силового противостояния населения с представителями власти. Совокупность политических кризисов, приведших к смене политических элит в ряде государств постсоветского пространства (Грузия, Украина, Кыргызстан), как и фундаментальные политические перемены весны 2011 года в ряде арабских стран, неизменно проходили на фоне политической мобилизации населения и роста массовой политической активности. Оказавшаяся неожиданной для большинства ученых и экспертного сообщества волна протестного движения россиян в ходе и после электорального цикла 2011–2012 гг. остро актуализировала проблему исследования детерминант массовых протестных акций в современной России. Чрезвычайную актуальность приобрели вопросы, связанные с определением характера российских протестов. Можно ли причислить эти акции к глобальному тренду роста массового протестного акционизма или они носят сугубо уникальный, специфический российский характер? Исследованию указанных вопросов посвящена данная статья.

Теоретические основы исследования политического протеста. Можно выделить два основных теоретических подхода, предлагающих свои ответы на вопрос о главных детерминантах появления политического протеста. Это теория коллективного поведения и теория коллективного действия.

Теория коллективного поведения. В рамках данного подхода ключевой объяснительной переменной роста политического протеста выступает понятие «относительная депривация». В работах американского ученого Т.Р. Гарра теория относительной депривации была разработана в наиболее концептуальной форме для анализа причин политического насилия [4]. Базовая модель концепции Т. Гарра при объяснении протестных форм коллективной деятельности включает в себя как психологические, так и социетальные переменные. Относительная депривация определяется как «воспринимаемое индивидами расхождение между ценностными ожиданиями (ожиданиями) и ценностными возможностями. Ценностные ожидания – это те блага и условия жизни, на которые люди, по их убеждению, имеют полное право претендовать. Ценностные возможности – это те блага и условия жизни, которых, как им кажется, они в состоянии реально достичь или удержать, используя доступные им социальные средства» [4, 51].

Относительная депривация рассматривается как психологическая неудовлетворенность и первопричина будущего конфликта, которая, однако, требует политизации для реализации собственно политических негативных акций, направленных против политических объектов и деятелей [4, 51].

Теория коллективного действия (мобилизации ресурсов). Родоначальниками данного подхода, оформившегося в 1960–1970-х гг., являются американские ученые Дж. Маккартни и М. Залд, которые впервые стали рассматривать

Дорожкин Юрий Николаевич, д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

Сабитов Марат Ринатович, канд. полит. наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательского управления Башкирского государственного университета. E-mail: maratspr@mail.ru

социальные движения и протестную активность вне иррациональных психологических импульсов, полагая, что они – вполне рациональное проявление отдельных политических акторов, преследующих и отстаивающих интересы отдельных социальных групп, не имеющих своего представительства в рамках существующих политических институтов [37]. Эти положения были развиты в трудах американских исследователей Ч. Тилли, С. Тэрроу и Д. Макадама, которые обосновали значимость «структуры политических возможностей» как важнейшей детерминанты формирования коллективных действий, в том числе протестного характера [36; 38; 40]. По мнению ученых, структура политических возможностей включает в себя совокупность ресурсов, которыми могут воспользоваться лидеры протестного движения для мобилизации своих сторонников.

Понятия «ресурсы» и «мобилизация» в рамках данного подхода неразрывно связаны между собой. Ресурсы находятся в распоряжении отдельных лиц, организаций и общества в целом. Для любого социального движения всегда существует некий не востребованный потенциал мобилизации. Сама мобилизация трактуется как «процесс, с помощью которого группа получает и использует ресурсы для достижения поставленных целей» [32, 532]. Поэтому деятельность движения постоянно направлена на привлечение все большего объема разнообразных ресурсов, необходимых для решения поставленных задач. Структурные макроусловия (экономический, социальный, политический контексты) становятся ресурсами движения, если они осознаются как таковые его лидерами и участниками.

Таким образом, с точки зрения теоретиков этого направления, главными детерминантами массового политического протеста являются не столько факторы социально-психологической неудовлетворенности, сколько наличие политических возможностей и ресурсов, способных мобилизовать население для протестных акций. В этой связи Ч. Тилли указывал, что в любом обществе всегда присутствует определенный сегмент населения, недовольного существующей

властью и устройством взаимоотношений в обществе. Однако это недовольство носит латентный характер вплоть до того момента, когда возникают новые политические возможности и ресурсы для мобилизации недовольных групп и активного коллективного действия для изменения ситуации [40, 176]. Теоретиками данного подхода были разработаны базовые характеристики структуры политических возможностей, которые помогают оценить, насколько возможна в данном обществе протестная активность населения. Так, например, С. Тэрроу выделяет три группы показателей структуры политических возможностей: степень открытости политической системы; степень стабильности расстановки политических сил; наличие союзников движения в рамках политической системы [39, 56].

С нашей точки зрения, наличие относительной депривации является необходимым, но недостаточным фактором, детерминирующим политический протест. Непосредственная реализация массового протеста в значительной степени зависит от детерминант политического характера, к которым, прежде всего, можно отнести следующие: особенности политического режима; степень дифференциации политических элит; распределение ресурсов между политическими акторами. Рассмотрим указанные детерминанты более подробно.

Особенности политического режима. К особенностям политического режима мы относим наличие или отсутствие в рамках политической системы институтов, способных канализировать протестный потенциал в конвенциональные формы политического поведения. К таковым, прежде всего, относятся политические партии, регулярные избирательные процедуры, независимые органы представительной власти и другие институционально-процедурные механизмы демократии. Их наличие способствует трансформации протестного потенциала в конвенциональные формы поведения и сокращает пространство для реализации активного массового политического протеста, хотя и полностью не исключает его.

Любые формы политического акционизма имеют политические ограничения в жестких авторитарных режимах, репрессивные механизмы которых создают для участников протеста высокие издержки. И хотя в таких режимах отсутствуют институты конвенциональной канализации протеста, привлечь широкие слои населения в открытые протестные акции оппозиции в данных режимах не удастся. В результате протестный потенциал в жестких авторитарных режимах, как правило, не выходит за рамки сугубо экономических забастовок или трансформируется в пассивные протестные поведенческие практики в виде абсентеизма или политической апатии.

Значительно большее пространство для реализации массового политического протеста существует в «мягких» авторитарных режимах, которые в последнее время исследователи определяют в категориях «соревновательного», «конкурентного» [34] или «электорального авторитаризма» [6]. От классического авторитаризма эти режимы отличает наличие некоторых «пространств свободы», границы которых не должны допустить потерю власти инкубентов, но функционирование которых само по себе создает некоторые возможности для существования оппозиции и расширяет для последней круг ресурсов для политической мобилизации населения.

Степень фрагментации элит. По мнению теоретиков элитистского подхода Дж. Хайгли и М. Бертон, можно выделить три основных типа констелляции элит: монолитную, разделенную и фрагментированную [31, 42]. Поскольку трансформация протестного потенциала в акции массового политического протеста требует соответствующих механизмов организации и руководства, роль политических элит становится очень значительной. В условиях монолитной элиты массовый политический протест маловероятен или ограничен возможностью стихийных бунтов кратковременного характера, как правило, не выдвигающих политических требований. Условием возможности политического протеста являются типы разделенных (биполярных) или фрагментированных элит, способных инвес-

тировать в массовую политическую мобилизацию населения и возглавить протест.

Распределение ресурсов между политическими акторами. Наконец, одной из важных детерминант массового политического протеста выступает распределение ресурсов между политическими акторами. Даже в условиях фрагментированной элиты оппозиции сложно приступить к политической мобилизации населения без достаточных ресурсов и возможностей. Увеличение объема ресурсов, находящихся в руках оппозиционных акторов, способствует росту возможностей массового политического протеста и наоборот. К ресурсам мы относим административные, финансовые, лидерские, информационно-технические и иные материальные, технологические или символические активы, которые расширяют возможности оппозиции для политической мобилизации протестного населения.

Ниже будет представлен анализ эмпирических данных развития политического протеста в России в период 2011–2012 гг. сквозь призму этих трех детерминант.

Специфика политического режима в России накануне протестов 2011–2012 гг. Если в отдельных сегментах социально-экономической сферы в период 2000-х гг. наблюдались тенденции модернизации, связанные с запуском механизмов рынка и технологическими новациями, то в политической сфере наблюдались прямо противоположные процессы. Преодолев раскол элит, правящая властная группировка укрепила свое монопольное доминирование в ходе электорального цикла 2003–2004 гг. и приняла ряд мер, направленных на повышение барьеров для возможности легального политического участия оппозиции, что объективно сократило уровень политической конкуренции и публичной состязательности. Новый закон о политических партиях, отмена выборности губернаторов, ограничение свободы СМИ и другие меры, предпринятые представителями инкубента, сформировали моноцентрический политический режим [5], опирающийся на административную «вертикаль власти» во главе с популярным лидером в лице В. Путина. Все это свиде-

тельство о развитии российского политического режима в сторону авторитаризма и сокращения уровня демократии, что отмечали многие исследователи и эксперты [10; 20; 21; 27; 30].

Вместе с тем, хотя политическая система России с каждым годом принимала все более архаичные (антидемократические) формы, политический режим сохранял черты «электорального авторитаризма» [6] и был весьма далек от модели жесткой автократии. Это выражалось, прежде всего, в сохранении процедуры выборов как главного политического института преемственности власти. Хотя избирательные процедуры были поставлены под жесткий контроль, а сами выборы часто сопровождалась давлением на оппозицию, использованием административного ресурса и фальсификациями при подсчете голосов, это, тем не менее, не исключало участия в выборах «системной» оппозиции. Тем самым элементы конкуренции в ходе избирательного процесса сохранялись.

Определенные «пространства свободы» сохранялись в области СМИ и общественно-политической сфере. При жестком государственном контроле за тремя главными федеральными телеканалами, являющимися основными источниками политической информации для большинства россиян, режим допускал существование некоторых оппозиционных СМИ (например, телеканалов «РЕН ТВ», «Дождь» или радиостанции «Эхо Москвы»), аудитория которых, однако, была весьма ограничена.

От классической формы жесткого авторитаризма российский политический режим также отличался сохранением ряда гражданских свобод, возможностью свободно ездить за границу, а также сравнительно низким уровнем репрессивности. Действительно, жесткие репрессивные меры власть применяла избирательно и только в крайних случаях, примером чего может служить «дело Ходорковского» при сохранении бизнеса «лояльных» олигархов [28].

В определенной мере подобная «мягкость» режима служила источником его укрепления, так как обозначенные «пространства свободы» выполняли, во-первых, функцию «выпуска пара»

недовольных граждан и, во-вторых, служили средством демократической легитимации российской власти в глазах национальной и мировой общественности. В этой связи венгерский политолог И. Крастев обращал внимание на то, что открытые границы в современной России в отличие от СССР парадоксальным образом укрепляли авторитаризм, а не ослабляли его, поскольку значительная часть обеспеченных и недовольных властью граждан предпочитали эмигрировать, а не бороться с режимом [13].

Другие исследователи обращали внимание на то, что спецификой авторитаризма в России был преимущественно не репрессивный, а манипулятивный характер удержания контроля и управления [41]. Власть обеспечивала себе поддержку не столько на основах страха и репрессивных санкций, сколько на основе пропаганды и своеобразного «подкупа». В первом случае использовалась монополия на основные СМИ, с помощью которых осуществлялась информационная манипуляция, поддерживающая лояльность среди основной массы населения. Во втором случае властвующей группировкой применялась стратегия, основанная не на подавлении своих оппонентов, а на реализации политики их кооптации во властвующую группу в виде элементов «системной оппозиции». Стратегия «подкупа» заключалась также в сохранении теневого бизнеса отдельных элит, обогащение которых допускалось при условии сохранения их лояльности. В самом общем смысле рост доходов населения и социальных выплат государства тоже являлся одним из характерных элементов режима, существующего на основах негласного «общественного договора» в виде следующей формулы: «рост доходов в обмен на политическую лояльность» [25].

Таким образом, несмотря на общий тренд сворачивания демократических институтов, политический режим в России сохранял некоторые «пространства свободы» и редко характеризовался применением репрессивных практик. Очевидно, что такие «затратные» черты российский политический режим мог сохранять только в условиях благоприятной экономической конъюнктуры и значительного экономического

роста. При сохранении этих условий властвующая группировка могла не беспокоиться о поддержке граждан и исходах электоральной борьбы. Однако в условиях экономического кризиса и дефицита былых ресурсов и ряда других новых факторов сохранение пусть и ограниченных, но все же конкурентных выборов, равно как и других «пространств свободы», таило в себе определенные риски для удержания власти инкубента.

Следует отметить важные изменения в конструкции политического режима и его стилистике управления, которые произошли после электорального цикла 2007–2008 гг. Выборный процесс в эти годы продемонстрировал стабильность политического режима и его способность эффективно решать проблему преемственности власти. Отказ В. Путина менять Конституцию и баллотироваться на пост президента в третий раз сохранили легитимность власти и значительную поддержку его со стороны населения. Однако поскольку новый президент Д. Медведев уступал В. Путину как в аппаратном весе, так и в уровне общественного доверия, в России сложилась достаточно уникальная политико-властная модель «тангема», при которой два высших должностных лица, формально составляя одну команду, стали демонстрировать довольно разные взгляды на отдельные вопросы, связанные с развитием страны и приоритетами в выработке политического курса. Если В. Путин продолжал транслировать идеологические ценности консерватизма, основанные на постулатах «стабильности» и «порядка», то Д. Медведев инсталлировал новый политико-идеологический дискурс, провозглашающий целевые ориентиры для России в виде модернизации, либерализации и верховенства права [15].

Не вдаваясь в дискуссию о причинах феномена «тангема», отметим, что в целом конкуренция между Д. Медведевым и В. Путиным носила имитационный характер. «Медведевская оттепель» на уровне политической практики имела противоположный либо абсолютно формальный характер. Так, например, на фоне либеральной риторики именно при Д. Медведеве

институциональный дизайн российской политической системы приобрел еще более авторитарный характер, после того, как были приняты конституционные поправки, увеличивающие сроки полномочий президента (с 4 до 6 лет) и Государственной Думы (с 4 до 5 лет) [8].

Вместе с тем на детерминанты массового политического протеста россиян 2011–2012 гг. «либеральная оттепель» при Д. Медведеве оказала отнюдь не имитационное, а вполне реальное влияние. Вопреки ожиданиям создателей «тангема», ее последствия оказали не столько консолидирующий, сколько дезорганизационный импульс. И хотя этот эффект был не настолько сильным, чтобы привести к расколу политических элит, он, тем не менее, вызвал в их консолидированных рядах некоторое «шатание», которое, в свою очередь, сыграло определенную роль в росте протестных настроений и политической мобилизации общества.

Степень фрагментации российских элит накануне электорального цикла 2011–2012 гг. В целом на протяжении рассматриваемого периода консолидация властвующих элит сохранялась на достаточно высоком уровне. Тем не менее, специфика управления в условиях «тангема» не способствовала укреплению элитной консолидации, а напротив, частично разрушала ее. Разная смысловая и стилистическая риторика Д. Медведева и В. Путина в условиях затянувшейся тайны относительно вопроса о том, кто из них пойдет на выборы 2012 г., создала определенную дискуссию среди элитных сегментов о приоритетах будущего курса страны. Разные элитные группировки, имеющие различные друг от друга интересы и взгляды на будущее России, стали связывать возможные траектории развития страны с личностями Президента и Премьера. Вопреки частым заявлениям В. Путина и Д. Медведева, которые не раз подчеркивали близость своих идеологических установок и общность задач [24], часть политической элиты и особенно интеллектуально-экспертное сообщество, стали рассматривать двух лидеров как представителей разных команд. Наиболее наглядным проявлением «конфликта элит» стал скандальный эпизод с отставкой министра

финансов А. Кудрина, открыто заявившего о своих разногласиях с Д. Медведевым и нежелании работать в будущем кабинете министров [11].

Эти противоречия в особенности обострились в связи с кадровой политикой Д. Медведева, предпринявшего масштабную «чистку» губернаторского корпуса. Отстраненные главы регионов и приближенные к ним региональные элиты зачастую воспринимали враждебно нового кремлевского назначенца. При этом конфликты и противоречия среди региональных элит стали все чаще проецироваться на федеральную политику, поскольку роль Кремля в региональных процессах чрезвычайно возросла. В результате в процессе борьбы с «варягами» региональные элиты все чаще переходили к публичной критике президента. Это в полной мере проявилось в случае с резонансной отставкой Ю. Лужкова, а также с губернатором Калининградской области Г. Боосом. В последнем случае региональные элиты для борьбы с московским назначенцем поддержали местную оппозицию и способствовали массовой мобилизации населения. Все эти усилия, в конечном счете, привели к масштабным акциям протеста в Калининграде. Это событие хорошо показывает, насколько раскол политических элит взаимосвязан с возможностями политического протеста.

Смена губернаторов также приводила к расшатыванию «вертикали власти» и сбоям в административном контроле над избирательным процессом. Проблемные симптомы в этой области наглядно проявились в ходе региональных избирательных кампаний 2010 года, по итогам которых в нескольких субъектах Российской Федерации «партия власти» существенно сократило свое электоральное преимущество. Так, например, в Свердловской области на выборах областной думы «Единая Россия» получила 39,8 % голосов (в 2007 г. было 62 %, то есть –22 %). Практически аналогичными значениями характеризовалось падение данного показателя в Республике Алтай (–25 %), Курганской области (–23 %), ЯНАО (–15 %), Хабаровском крае (–13 %). Существенно меньшим было падение в Калужской и Рязанской областях (8 % и 6 % соответственно) [14].

Не менее существенное влияние на рост протестных настроений и политическую мобилизацию населения произвел эффект «медведевской оттепели», связанный с расколом интеллектуально-экспертной элиты, многие из представителей которой являлись «лидерами мнений» и оказывали большое влияние на общественное мнение. Наглядным свидетельством этого стал выпуск различных аналитических докладов, в которых по-разному трактовались позитивные сценарии развития России и давались однозначные рекомендации в пользу выдвижения на пост президента того или иного лидера. Все эти интеллектуальные споры активно тиражировали СМИ и широко обсуждались в обществе. Особенно надо отметить, что обсуждение это стало куда более свободным и критичным, чем до президентства Д. Медведева. Связано это было с тем, что «либеральный курс» Д. Медведева оказал реальное воздействие на СМИ, которые в данный период стали куда меньше ограничивать себя самоцензурой, расширив границы дозволенного в плане критики власти и обсуждения актуальных политических вопросов. Все это, естественно, оказывало прямое влияние на общественное мнение и протестный потенциал отдельных социальных групп.

В этой ситуации вопрос о том, кто из двух лидеров (Д. Медведев или В. Путин) будет выдвигаться в качестве кандидата на пост президента, для политизированной части общества стал принимать далеко не абстрактные, а вполне конкретные и остро политизированные формы, связанные с представлениями и ожиданиями граждан относительно будущей траектории развития страны. Таким образом, сценарий «тандемдемократии», вопреки желанию ее авторов, на практике имел противоположный эффект, создавая ситуацию раскола, а не консолидации общества.

Однако наиболее значимые новации с точки зрения детерминант массового политического протеста произошли в структуре элит оппозиционного лагеря. В период 2009–2011 гг. оппозиционные элиты стали создавать новые формы своей организации и вырабатывать иные стратегии своей политической деятельности.

Во-первых, в данный период стала происходить интеграция различных оппозиционных сегментов и объединение их на основе «негативного консенсуса» против «партии власти». В значительной степени этот процесс стал ответной реакцией оппозиционных политиков на действия властей, связанных с последовательным ограничением легального пространства оппозиционной деятельности посредством повышения входных барьеров на политический рынок. Так, например, увеличение проходного барьера для прохождения партий в Государственную Думу с 5 до 7 %, а также ужесточение требований к численности партий для их регистрации (увеличение с 10 до 50 тыс. чел.) привели к процессу интеграции разрозненной либеральной оппозиции, которые в 2010 г. объединились в рамках демократической коалиции «Россия без произвола и коррупции» (позже преобразована в «Партию народной свободы») [18].

Подобные процессы наблюдались в рамках «уличной политики». С 2010 г. «привычными» стали протестные митинги, организованные совместно самыми разными политическими силами как правого, так и левого толка. Либеральная партия «Яблоко», с 2003 г. лишенная парламентского представительства, все чаще стала переходить к стратегии протестных акций, присоединяясь на митингах к КПРФ, «Левому Фронту» и другим «левым» организациям, что было немыслимо ранее в логике политического процесса 1990-х гг.

Масштабные протестные акции во Владивостоке и Калининграде в 2010 г., когда оппозиционные лозунги против «партии власти» объединили самые разные политические силы [3], наглядно продемонстрировали результативность подобной стратегии. Один из организаторов протестного митинга во Владивостоке А. Самсонов отмечал: «У наших партий и движений по отдельности нет ни сил, ни средств, ни ресурсов противостоять власти. Мы, например, не можем провести по-настоящему крупную акцию – людей не хватит. Но вместе мы можем гораздо больше... Теперь уже никто не сможет сказать: а, это касьяновцы, или – это каспаровцы, или – это коммунисты. Это народ!» [23].

В это же время наблюдался процесс «обновления» лидеров оппозиции, которые в отличие от оппозиционных элит 1990-х гг. были лишены негативного имиджа «демократов», ответственных за хаос «лихих девяностых», и были куда более гибки в плане синтеза различных идеологических ценностей. Например, один из самых популярных новых оппозиционных политиков А. Навальный стал выступать с лозунгами, содержащими ценностные постулаты либерализма, демократии и русского национализма. Все это в значительной степени отличало оппозиционных лидеров современного этапа от российской оппозиции 1990-х гг.

Интеграция, появление новых молодых лидеров и выдвижение ими эклектической идеологической платформы, способной объединить куда более массовые слои населения, – все это создавало новые возможности для усиления оппозиционными элитами своей ресурсной базы. И хотя властвующая элита сохраняла высокую степень консолидации, «негативный консенсус», объединивший разные сегменты оппозиционных сил стал в определенном смысле трансформировать российское политическое поле в сторону «биполярности». Эта ситуация создавала новый расклад в сфере распределения ресурсов между политическими акторами, который также стал складываться не в пользу властвующей элитной группировки.

Распределение ресурсов между властью и оппозицией накануне электорального цикла 2011–2012 гг. Кроме интеграционных процессов, способствующих увеличению электоральных ресурсов у оппозиции, большую роль в наращивании мобилизационного потенциала перед электоральным циклом 2011–2012 гг. сыграли эффекты, связанные с развитием информационных технологий в России. Расширение аудитории интернет-пользователей позволило в значительной мере преодолеть доминирование информационных ресурсов, сосредоточенных в руках власти, и создало возможности для оппозиции донести свои лозунги и идеи до значительно более широких слоев населения.

В то время как на ведущих российских телеканалах господствовала провластная точка

зрения и ограничение на обсуждение некоторых политических тем, интернет-ресурсы и социальные медиа постепенно стали выступать альтернативной площадкой для политических дискуссий активной части общества. При этом с каждым годом социальные медиа стремительно расширяли свою аудиторию. Так, в 2010 г. самая популярная в России социальная сеть «ВКонтакте» насчитывала почти 30 млн пользователей. Второй по численности стала сеть «Одноклассники» (почти 17 млн зарегистрированных посетителей). Самая популярная в мире социальная сеть «Facebook» в России занимала только третье место по числу пользователей (4,5 млн) [35]. К 2011–2012 гг. стало возможно говорить о том, что интернет-ресурсы в России стали оказывать вполне реальную конкуренцию телевизионным каналам. Так, согласно подсчетам аналитической компании TNS, аудитория интернет-портала «Яндекс» в апреле 2012 г. впервые превысила аудиторию «Первого канала»: если «Яндекс» посетило 19,1 млн чел. в день, то «Первый канал» смотрели только 18,2 млн чел. в день [2].

Однако дело не только в расширении численности интернет-пользователей, а в тех мобилизационных возможностях, которые открывали социальные медиа для политической оппозиции. Можно сказать, что новые оппозиционные лидеры вполне успешно использовали их для наращивания своих организационных и идейно-символических ресурсов, в то время как представители власти явно недооценили возможности виртуальной коммуникации и, сделав ставку на традиционные формы административного и манипулятивного управления, существенно ослабили свои позиции перед электоральным циклом 2011–2012 гг. Каким образом интернет-коммуникации влияли на политический ландшафт России?

Во-первых, социальные медиа стали эффективным механизмом артикуляции социальных проблем, доставки до широких слоев населения альтернативной информации и тем самым стали мощным средством делегитимизации власти. При этом важным фактором являлось многообразие возможностей различ-

ных интернет-платформ, позволяющих транслировать информацию в разных форматах, что позволяло доносить оппозиционный контент для самых различных социальных сегментов. Как справедливо отмечает исследователь российских социальных медиа М. Лонкила, «Живой Журнал» служил основой для коммуникации интеллигенции и формирования аналитического блока критики власти, «YouTube», с возможностью просмотров видеороликов, – мощным средством распространения эмоционально-художественного и экспрессивного оппозиционного контента, в то время как такие социальные медиа, как «ВКонтакте», «Facebook» и «Твиттер» оказались очень удобны в качестве мобилизационных и организационных средств массового протеста [35, 6].

При этом следует учесть, что кумулятивный эффект в плане расширения оппозиционного контента оказывали внешне нейтральные в политическом отношении СМИ, интернет-страницы которых часто перепечатывали содержание оппозиционных блогов или распространяли информацию о коррупционных фактах, появившихся на сайтах оппозиционных политиков. Так, например, исследование С. Грина, основанное на анализе базы данных сообщений пользователей «Твиттер» в период президентской избирательной кампании 2012 г., показало, что несмотря на внешнюю политическую неангажированность такого информационного портала, как «Lenta.ru», в целом этот ресурс в большей мере был ретранслятором оппозиционных мемов, чем информации из властных кругов [7, 13].

Во-вторых, интернет-среда создавала новые формы коллективной идентичности и достаточно прочные связи между пользователями, структурируя прежде «атомизированное» российское общество. Социальные медиа, основанные на взаимной идентификации единомышленников, формировали виртуальные сообщества, связанные единством интересов и политических взглядов. И хотя, согласно некоторым исследованиям, личные контакты и связи пользователей социальных сетей, участвующих в протестных акциях 2011–2012 гг., являются минимальными [26], на наш взгляд, это не

говорит об отсутствии социокультурных и ценностных форм коллективной идентичности, которые стало возможно артикулировать и агрегировать посредством интернет-механизмов, что, в конечном итоге, сделало массовый протест возможным.

В-третьих, социальные медиа оказали значительный психологический эффект на общественное сознание и создали тем самым основы для преодоления политической апатии и индивидуального страха, связанного с рисками политического участия. Специфика социальных медиа включала возможность не только трансляции оппозиционного контента, но и количественного учета численности противников режима. Если ранее потенциальные протестанты обладали ограниченной информацией о приблизительной численности тех граждан, кто разделяет их оппозиционные взгляды, то теперь посредством регистрации в социальных медиа стало возможно наглядно узнать об их числе. Это в значительной степени помогало преодолеть проблему коллективного действия [19], поскольку точное представление о том, сколько людей готовы поддержать протест, уменьшает уровень неопределенности для потенциальных протестантов. Как указывают Р. Кричели, Ливен и Б. Магалони, страх граждан, решивших не участвовать в протестных акциях, часто основывается на высоких издержках, связанных с репрессивностью режима. Однако при достаточной массовости протеста и невозможности, в силу количества манифестантов, применить против них силу в целях подавления, цена издержек для участвующих в протесте резко снижается [33]. Таким образом, информация в социальных медиа о количестве недовольных и числе заявивших о своем решении поддержать оппозицию и принять участие в протестных митингах стало важным фактором политической мобилизации, поскольку сниженная этим цена протеста позволила расширить социальную базу акционизма, присоединив к митингам многочисленные слои прежде пассивных и умеренных граждан.

Стратегии политических акторов. Большое значение в реализации массового поли-

тического протеста в России в период электро-ального цикла 2011–2012 гг. имела стратегия политических акторов. Оппозиция, опираясь на благоприятные возможности и ресурсы, сформировала крайне удачную и своевременную политическую повестку, способную не только консолидировать действия оппозиционного электората, но и мобилизовать широкие социальные слои для массового политического протеста.

В данном случае речь идет о стратегии голосования на выборах Государственной Думы в декабре 2011 г. До сих пор оппозиции не удавалось договориться о единстве действий на выборах в условиях ограниченной конкуренции. В ситуации, когда барьеры для входа на политический рынок были сильно завышены и в избирательной гонке участвовали «старые» и многим избирателям надоевшие партийные бренды, зачастую не отражающие реальных политических предпочтений населения, протестный электорат предпочитал выбрать стратегию абсентеизма и политической пассивности, что играло на руку «партии власти». Именно поэтому в электоральном цикле 2007–2008 гг. инкубент не столкнулся с проблемой протестов против «нечестных выборов», поскольку значительная доля протестного электората попросту выборы игнорировала. Принципиальным отличием электорального цикла 2011–2012 гг. стала стратегическая новация оппозиции, получившая название «вариант А. Навального». Ее суть заключалась в двух императивах: обязательное участие в голосовании и голосование за любую партию, кроме партии «Единая Россия» [17]. Данная стратегия создавала сразу несколько вызовов для «партии власти», к которым правящая группировка оказалась не готова.

Во-первых, данная стратегия укрепляла консолидацию оппозиционного лагеря, позволяя сохранить «негативный консенсус» всех политических сил вне зависимости от их идеологических предпочтений. Это ограничивало возможности власти по расколу оппозиционных рядов. Стратегия оказалась способной на время «примирить» «системные» и «несистемные» политические партии. Даже партии, относи-

тельно лояльные в отношении Кремля (например, ЛДПР), в данной ситуации оказывались заинтересованными в реализации данной стратегии, поскольку она создавала для них наиболее выигрышные возможности для electoralной победы. Все это создавало основы для расширения протестного голосования среди избирателей, поскольку самые разные политические силы стали артикулировать и призывать свой электорат к подобной линии стратегического поведения на выборах.

Во-вторых, «вариант Навального» оказался способным стимулировать к участию в выборах ранее пассивных граждан, поскольку теперь у них появился рациональный мотив прийти к избирательным урнам в надежде увидеть реальный результат своей активности. Этот результат был связан с попыткой сокрушить электоральное доминирование «партии власти». Если раньше при отсутствии партий, отражающих интересы значительной части граждан, у последних не было осмысленного интереса участия в выборах, то теперь на политическом рынке появилось предложение, которое создавало интригу и обеспечивало заинтересованность участия в избирательном процессе даже у тех социальных групп, которые ранее выражали пессимизм в отношении возможности что-либо изменить и проявляли политическую пассивность.

Наконец, в-третьих, данная тактика имела существенный психологический эффект для участников голосования, поскольку успех или неудача протестного голосования стали иметь глубоко индивидуализированный и личностный характер для всех, кто пришел и потратил время на избирательных участках. Неудача этой стратегии для всех, кто ее воспринял в качестве руководства к действию, теперь оценивалась не просто как неудача какой-либо политической партии, к которой большинство российских граждан испытывали значительную долю недоверия, а как своя собственная неудача. Этот психологический момент был весьма острым и являлся важным стимулом для роста протестных настроений даже у тех граждан, которые ранее отличались аполитичностью и конформизмом.

Хотя «Единая Россия» по итогам выборов не смогла достигнуть планируемых целевых результатов, которые определялись в 65 % голосов избирателей [12], официальный результат в 49,3 % [22] уже не мог удовлетворить основную часть оппозиционного электората. С одной стороны, этот результат не решил поставленной задачи оппозиции по ликвидации в Государственной Думе большинства «партии власти», поскольку в силу правил по распределению мандатов «Единая Россия» в итоге получила 238 из 450 депутатских мест. С другой стороны, этот результат был объявлен на фоне информационной волны высказываний в интернет-пространстве о массовых нарушениях и фальсификациях в ходе выборов. Кроме того, указанные результаты в значительной степени отличались от предвыборных социологических данных, а также данных экзит-поллов. Так, по данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в Москве за партию «Единая Россия» проголосовали 27,5 % избирателей, 25,5 % получила КПРФ, 16,3 % – «Справедливая Россия», 11 % – ЛДПР и 15,7 % голосов избирателей получила партия «Яблоко». Когда же свою версию того, как проголосовали москвичи, опубликовал Центризбирком, по данным которого «Единая Россия» набрала в Москве 46 % голосов избирателей, ФОМ убрал со своего сайта таблицу с результатами экзит-полла по федеральным округам и Москве [29]. Однако с ней уже успели ознакомиться блогеры и общественные деятели. Впоследствии данные факты стали одним из поводов для возмущения оппозиции и политической мобилизации российских граждан.

Все это привело к массовому политическому протесту россиян в декабре 2011 г., масштабы которого можно сравнить только с периодом 1989–1991 гг. Протесты затронули почти все российские регионы. Так, например, митинги 10 декабря прошли почти в 100 городах России [1]. Наиболее массовым из них стал митинг на Болотной площади в Москве, собравший, по данным СМИ, около 150 тыс. человек (по данным МВД, 25 тыс.) [9].

Заключение. Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод, что, кроме структурных факторов, к 2011 г. в России сложилась благоприятная для реализации массовой протестной активности комбинация политических факторов. К их числу можно отнести следующие:

а) особенности политического режима, в рамках которого авторитарное управление осуществлялось не столько посредством репрессивного подавления, сколько с помощью манипулятивных практик и перераспределении экономических доходов сырьевой ренты;

б) изменение структуры элит, вызванное формированием среди оппозиционных сил консолидации на основе «негативного консенсуса», что позволило на время решить проблему фрагментированности оппозиции;

в) относительное перераспределение ресурсов между политическими акторами в пользу оппозиции. В частности, «либеральный курс Д. Медведева» расширил «пространства свободы» внутри авторитарного режима, стимулировав завышенные ожидания, как со стороны части политических элит, так и со стороны более широких социальных групп. Это не только привело к некоторой дезорганизации элитных слоев и ослаблению административного контроля за политическими процессами, но и открыло новые возможности для перераспределения ресурсов между политическими акторами. Новые тенденции в оппозиционной среде (формирование «негативного консенсуса», успешное разрушение информационной блокады федеральных телеканалов посредством интернет-технологий, удачно выбранная стратегия политического участия в избирательном процессе и т. д.) позволили политическим оппонентам власти нарастить ряд ресурсов, обеспечивающих реализацию массовой политической мобилизации и масштабного протеста в ходе электорального цикла 2011–2012 гг.

Литература

1. Бенюмов К. До самых до окраин: Митинги протеста 10 декабря прошли в 99 городах России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2011/12/10/worldprotest/>
2. Болецкая К. Обогнал телевизор // Ведомости. 2012. 25 мая.
3. Волков М. Калининград: «С медведем дружить – топор точить» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svpressa.ru/society/article/20442/>
4. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. Спб.: Питер, 2005.
5. Гельман В.Я. Возвращение Левиафана? (Политика рецентрализации в современной России) // Полис. 2006. № 2. С. 90–109.
6. Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. 2008. № 1. С. 22–35.
7. Грин С. Твиттер и российский протест: мемы, сети и мобилизация. М.: Центр изучения интернета и общества; Российская экономическая школа, 2012.
8. Дума окончательно одобрила продление президентского срока [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2008/11/21/third/>
9. Дятликович В., Мартемьянов М. Дети улиц: как последние полгода изменили протестное движение и власть // Русский репортер. 2012. № 23.
10. Зудин А.Ю. Политический режим в России после 2008 г.: векторы управляемой трансформации // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 2. С. 25–41.
11. Ключкин А. Демарш несогласного: Кудрин отказался работать в правительстве Медведева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2011/09/26/kudrin/>
12. Костенко Н. Сколько нужно «Единой России» // Ведомости. 2011. 13 окт.
13. Крастев И. Парадоксы нового авторитаризма // Pro et Contra. 2011. № 3–4. Т.–15. С. 96–105.
14. Кынев А. Фронтальная завеса [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2011/07/06_x_3687381.shtml

15. Медведев Д. Россия вперед! [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml
16. Медведев сообщил, что они с Путиным одной группы крови [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/society/20100225/210773059.html>
17. Навальный А. За любую партию, против Единой России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://navalny.livejournal.com/603104.html>
18. О партии // Официальный сайт «Партии народной свободы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svobodanaroda.org/about/>
19. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп / Пер. с англ. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995.
20. Павроз А. В. Группы интересов и трансформация политического режима в России. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008.
21. Пивоваров Ю.С. Русская Власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // Полис. 2006. № 1. С. 12–32.
22. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 9 декабря 2011 г. N 70/576-6 г. Москва «О результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва» // Российская газета. 2011. 10 дек.
23. Протестные столицы современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.memoid.ru/node/Protstnye_stolicy_sovremennoj_Rossii
24. Путин гордится работой тандема с Медведевым [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20100426/226955771.html>;
25. Рогов К. Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. 2010. № 5–6. С. 6–22.
26. Суворов Г. Общество анонимных революционеров [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://slon.ru/russia/obshchestvo_anonimnykh_revolutsionerov-765700.xhtml
27. Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. № 2. С. 7–22.
28. Хоффман Д. Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007.
29. Юрьева А. ФОМ скрывает данные об exit poll в Москве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mnenia.ru/rubric/society/fom-skrivaet-dannye-ob-exit-poll-v-moskve/>
30. Freedom House [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.freedomhouse.org/>
31. Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2006.
32. Jenkins C. Resource mobilization theory and the study of social movements // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9. P. 527–553.
33. Kricheli R., Livne Y., Magaloni B. Taking to the Streets: Theory and Evidence of Protests under Authoritarianism (manuscript, Stanford University, 2011) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iis-db.stanford.edu/pubs/23341/TakingToTheStreets_7-11-11.pdf
34. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
35. Lonkila M. Russian Protest On-and Offline: The Role of Social Media in Moscow Opposition Demonstrations in December 2011 // Finnish Institute of International Affairs Briefing Papers. 2012. № 98.
36. McAdam D. Political Process and the Development of Black Insurgency. 1930–1970. Chicago, 1982.
37. McCarthy J., Zald M.N. The Trends of Social Movements in America: Professionalization and Resource Mobilization. N.Y.: Morrystones, 1973.
38. Tarrow S. Power in movement: Social movements and contentious politics. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
39. Tarrow S. Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest. Cornell Univ. Western soc., 1989, Paper № 21.
40. Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading: Addison–Wesley, 1978.
41. Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven, 2005.